

Лидия ШАМШЕВА

*пос. Пяозерский
Лоухского района*

— Ну, с Богом!— сказал отец и вместе с дочерью вышел на крыльцо. Мама с бабушкой и спящая младшая сестрёнка Маруся остались в тёплом доме, где вкусно пахло оладьями и клубничным вареньем.

— Ты, дочка, не смотри, что небо сейчас хмурится, а днём-то ведро будет, вот увидишь, — говорил отец, закрывая калитку.

Маруся стояла на деревянных мостках, ёжилась от сентябрьского прохладного утра и была страшно раздосадована тем, что пришлось проспать в воскресенье ни свет ни заря и тащиться куда-то в лес «по ягоды», как с вечера объявил отец. Видя её настроение, он ещё что-то говорил, но она не хотела слушать, так как жалела себя в своём бесправном положении, хотя знала: протестовать бесполезно, когда ногами стоишь на дороге. Ужасно хотелось спать.

— Не отставай, дорога неблизкая. Нам её ногами мерить больше часа, да и то если быстро, без перекура, — уже более тихим голосом проговорил отец, и в его интонациях улавливались нотки примирения.

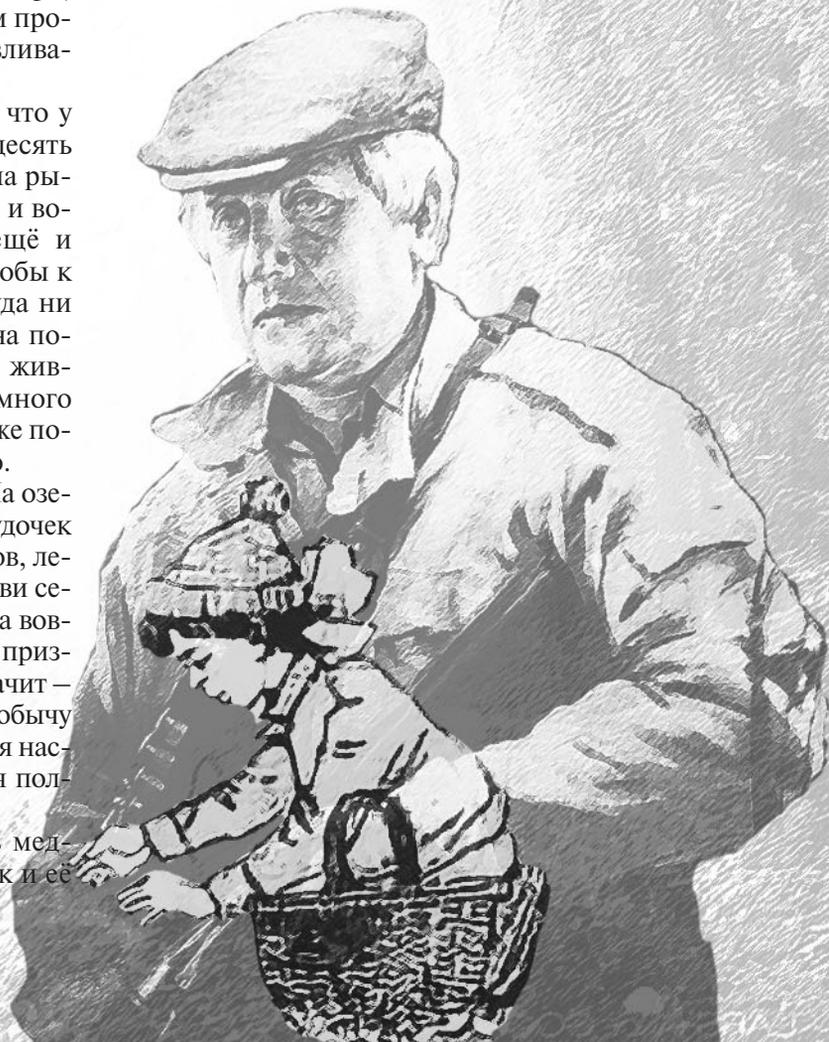
А что — Маруся, разве её вина в том, что у родителей нет сына? Поэтому ей в свои десять лет как старшей приходится с отцом и на рыбалку, и по ягоды-грибы ходить, а когда и воды наносить, в огороде полоть, да ещё и «спецзадание» выполнять вроде того, чтобы к выходному накопать червей! Ну, это куда ни шло — здесь сестрёнка — молодчина, она помощница, потому что обожает всякую живность, а соседские мальчишки знают много червячных мест — всегда подскажут и даже помогут накопать необходимое количество.

Конечно, лучше всего — это рыбалка! На озере у отца есть деревянная лодка, куча удочек больших и маленьких, всяких там крючков, лесок, сачков, и не надо ходить далеко — лови себе потихоньку, любуйся окрестностями да вовремя подсекай. Сетки рыбацкие отец не признаёт, считает, что это браконьерство, а значит — нажива. То ли дело, когда чувствуешь добычу рукой — что Бог пошлёт, и тогда улыбнётся настоящее рыбацкое счастье. В этом Маруся полностью с отцом согласна.

Мысли в голове девочки ворочались медленно, прерывались и спотыкались, как и её

СОЛНЕЧНЫЙ ДЕНЬ

рассказ

ноги. Было семь часов утра, начинался новый день.

Отец шёл впереди широкими размеренными шагами, а Маруся семенила следом, едва поспевая за ним. Он всегда так ходил. Сегодня у него за спиной был рюкзак, через плечо висело ружьё — двустволка в кожаном чёрном чехле, на поясе — патронташ, а в руке — плетёная корзина. Такая же корзина была и у Маруси, но почти в два раза меньше. Они шли в лес по отцовским заветным местам. На этот раз за брусничкой, а ведь совсем ещё недавно летом всем семейством делали вылазки в лес за земляничкой, за черничкой и малиной да на болото за морошкой. На грядках возле дома растёт клубника, но куда ей, как считает отец, до ароматной и душистой «дикой» земляники! Это правда: лесная земляника — удивительно вкусная ягода. И тут Маруся вспомнила, что мама любит варенье из смородины, сестрёнка — черничное, отец — царское — из спелого крыжовника и земляничное, бабушка — морошковое и клубничное, а она просто обожает брусничное с яблоками. Значит, сегодня ей придётся стараться для себя любимой?! Только за клюквой отец всегда ходит один, потому что эту ягоду берёт по заморозку, почти перед самым снегом.

Дорога шла то прямо, то извивалась. Они шагали по самой её обочине навстречу движению, но машин в столь ранний час не было, да и кому в голову придёт ездить в выходной день по этим колдобинам. По краям дорога утопала в пыли.

Стараясь не отставать, Маруся семенила следом и пыталась попасть в следы отца, но это было почти невозможно, так как его шаг равнялся двум её. От отцовых больших резиновых сапог оставались отчётливые следы, а в промежутках между ними отпечатывались Марусины — похожие на козьи копытца. Девочке это напоминало игру — составление незамысловатого орнамента. Тут она представила, как удивится тот человек, который пройдёт вслед их маршрутом и заметит этот узор! И вдруг Марусе стало обидно, что кто-то их следы затопчет, да ещё посмеётся, и она встала в первую балетную позицию и забороздила ногами, как бы зачёркивая то, что они с отцом

только что «нарисовали». Вот это была картина: за ней образовалось серое облако! Оглянувшись, замедлила шаги, но теперь мало что разглядела — тут же и сама она оказалась в клубках пыли. Отцу очень скоро надоела возня позади, он резко повернулся, и Маруся головой уткнулась в его протянутые руки.

— Ничего себе, — сказал отец, едва сдерживая смех, — ты, Маруся, сейчас похожа на мучного червя. — Он снял с неё красный платок, встряхнул и стал снова завязывать, смахивая концами пыль на её щеках.

— Манюня, уже скоро в лесу будем, а там твоей пустыни уже не будет! Там и отдохнём чуток, и умоемся, и воздухом чистым надышимся на неделю вперёд.

Отец не любил хныканье, слёзы и пустые уговоры. И Манюней называл Марусю каждый раз, когда она начинала капризничать. И действительно, уже через несколько минут они свернули с дороги. Вверх в гору побежала едва видимая глазу тропинка.

— Пап, а кто эту тропинку сделал, кто здесь ходит? — Маруся вдруг захотелось поговорить, так как полусонное состояние пропало окончательно, и теперь она почти наступала отцу на пятки.

— Ну, я вижу, у тебя второе дыхание открылось, коль поболтать приспичило! Ты лучше под ноги смотри, а то не ровён час на камни навернёшься. Что я потом с такой писаной красавицей буду делать? — бросил ей вместо ответа отец и пошагал дальше, поправляя лямки рюкзака, что давили на его худые плечи. — А тропинка эта моя, хоть кто пользуйся — не жалко. Хоть человек пусть по ней идёт, хоть зверь, если ему удобно. Только не всякий её с дороги заприметит, по ровной дороге-то, конечно, легче идти, — сказал отец, присаживаясь на старый пенёк и доставая портсигар из верхнего кармана куртки — он как будто только сейчас услышал её вопрос. — Вот немного покурим и дальше пойдём. Тут уже недалеко — рукой подать.

Отец снял кепку, рукой провёл по лбу — было видно, что устал.

— Покурим, — фыркнула Маруся, — вот ещё!

Она ухватилась за ветку рябины и, сломав, стала ею размахивать.

— Что же ты, дурья твоя башка, делаешь? Чем тебе дерево не угодило? Вот возьму сейчас эту ветку да по твоей заднице дам как следует! — Лицо отца покраснело от негодования, а это не предвещало ничего хорошего.

— Да только от комаров хотела помахать веточкой, вон сколько их ещё на дереве осталось! — Маруся робко попыталась оправдаться, надулась и отвернула лицо в сторону. Отец хмуρο молчал и продолжал курить.

— Где ты здесь комаров увидела? Да они все от тебя, дикарки, в обмороке! Если каждый грибник-ягодник начнёт деревья почём зря драть да ломать, что от леса останется? Думай, прежде чем что-то делать — на то и голова дана!

После этих слов Маруське снова захотелось плакать, но, видя её состояние, отец из бокового кармана, как фокусник, достал горсть леденцов и в знак примирения протянул их дочери.

Двинулись дальше. Резиновые подошвы сапог, которым за это лето много досталось, скользили по редким опавшим листьям. К ним, блестящим теперь, вычищенным травой, прилеплялись рыжие хвоинки. Воздух в лесу был густым от разных запахов, слегка влажным, и среди прочих едва улавливался дух грибов. Хотелось смотреть по обе стороны тропки, а вдруг где гриб мелькнёт! Но останавливаться нельзя — надо спешить вслед за отцом. Лес становился всё гуще и гуще, а сами деревья всё выше и подступали к самой тропе.

— Ну, наконец мы и пришли! — радостным голосом сказал отец, и они стали спускаться с тропы вниз. — Вот он, родимый, притаился, видно, нас ждёт!

— Кто здесь? — Маруся удивилась этим словам. Озираясь по сторонам, она никого не видела поблизости.

В это время отец ловко сбросил с плеч свою поклажу и достал охотничий нож.

— Сейчас мы ему поможем! — он стал снимать кусок берёсты с поваленного дерева.

— Пап, ну кому это мы должны помочь? Здесь ведь нет никого!

Маруся удивлялась всё больше, а отец, хитро улыбаясь, делал своё дело и не отвечал. Дочке оставалось молча наблюдать за его работой,

вникая в суть происходящего. Большой еловой лапой он стал водить по земле возле раскидистого куста — и вдруг в этом месте всё заблестело, как будто солнце показалось из самой земли — это засветилась водная поверхность! Лицо-зеркало родника просто сияло! День-то действительно был солнечным.

— Сейчас сделаем одну вещицу, — наконец произнёс отец, — да и попьём водички. — Умело работая ножом, он стал скручивать кусок берёсты, насаживая его на толстую палочку. Вместо ниток он использовал тоненькие веточки без листьев. Получился небольшой ковшик — черпачок. Затем из рюкзака отец достал фляжку и аккуратно черпачком налил в неё чистой воды.

— На, попей, но потихоньку, а то горло застудишь — водичка больно студёная, но до чего же вкусна, — отец протянул Марусе ковшик.

Родниковая вода и правда оказалась очень приятной на вкус, но большими глотками пить было невозможно — сводило не только зубы, но и язык.

— А теперь умоемся, — отец зачерпнул воды и стал поливать на Марускины сложенные плотно ладошки. — Да ты платок-то сними и хорошенько умойся, а то на чертёнка похожа — всё лицо в разводах.

Еще несколько пригоршней воды вылил на Марусю отец, прежде чем её чистое личико засияло, как новый пятак. Отец тоже умылся, попил и повесил черпачок на торчащий из земли колышек — проверил, хорошо ли держится. Маруся представила, как обрадуются те, кто придут сюда потом, после них, и будут тоже пить эту вкусную родниковую воду. Наверное, и «спасибо» скажут за такие удобства. Свой платок девочка теперь завязала по-другому — узлом на затылке, как завязывали мама и бабушка, когда приступали к работе. Отец одобрительно посмотрел и, улыбаясь, заметил, что так Маруся стала похожа на Красную Шапочку.

Остаток пути был недолгим. Прошли небольшое высохшее за лето болотце и вскарабкались на пригорок. Перед ними распростёрлась большая вырубка. Вся она была залита лучами ещё не высокого утреннего солнца, на земле раскинулась настоящая скатерть-са-

мобранка. Большие пни нагусто обросли брусничником, и от крупных красных гроздей спелых ягод захотелось зажмуриться. Казалось, вот закрой и снова открой глаза — и эта сказка исчезнет!

— Вот отсюда и начнём, — голос отца вернул её на землю, но ощущение радости уже не покидало.

Крутясь перед его носом, Маруська стала наблюдать, что же он будет делать. Все вещи отец положил на высокий пенёк, взял корзину, присел на корточки и снизу вверх стал в пригоршню собирать ягоду. Девочка пристроилась рядом, но так ловко, как у отца, у неё не получалось — большая часть ягод уходила сквозь пальцы и в ладошке оставалось лишь две-три горошинки, тогда как у отца вмещалось по нескольку гроздей сразу. Попробовала собирать быстрее, но результат был тот же — это её страшно раздосадовало.

«Ну, — подумала Маруська, — похожу и поищу ягоду самую крупную, чтоб раз-два — и вот она, полная корзина». Она побрела осматривать ближайшие пни — все они, конечно, были разные, а ягодки были как на подбор одинаковые. Бегать и собирать внаклонку ей быстро надоело. Захотелось посидеть, отдохнуть, и девочка присела на ближайший пенёк. Он был настолько большим, что на нём и полежать было можно, правда, свесив ноги на землю.

«Вот было бы здорово, если бы по шучьему велению да по моему хотению все ягоды сами в корзину собрались!» — мечтала девочка. Она погладила ладошкой поверхность пня, та оказалась слегка влажной и шероховатой. Маруська представила, как это дерево росло, росло и наконец выросло, а потом пришли люди, спилили его и куда-то увезли от родного места — остались одни лишь корни. Сам пенёк теперь возвышается как стол на собственных поминках. А ведь жизнь дерева в чём-то напоминает жизнь человека. Над ним так же светит солнце, идут дожди и снега, скрипят морозы, дуют ветры. Все деревья как люди — они тоже рождаются и умирают. «Вот почему возле пня растёт такая красная-красная ягода? — эта мысль была пронзительно жалостливой и одновременно страшной по своей сути. — Да потому что все эти ягоды как капли крови каждого распиленного дерева!»

— Маруська, ау, где ты? — потеряв дочь из виду, стал звать отец. — Не лазь по пням, а то заноз себе наставишь или штаны порвёшь, попрыгунья!

— Ой-ёй-ёй, па-а-ап, здесь столько крови! — закричала она в ответ, и отец мигом оказался рядом.

— Что случилось? Где ты поранилась? — Он схватил Маруську в охапку, и она почувствовала, как дрожат его руки.

— Да нигде я не поранилась! Это ягода просто такая вся красная и очень на кровь похожа! Пап, ты представляешь, вся брусника здесь как будто капельки крови. Наверно, бедным деревьям очень больно было! А может, они даже плакали, когда их пилили!

У отца после этих слов отлегло от сердца, он облегчённо вздохнул... Заглянул в её корзину, но ничего не сказал насчет едва покрытого ягодами дна.

— А давай мы с тобой, Марусенька, вот что сделаем — давай мы с тобой сейчас передохнём да перекусим! Что ты скажешь?

Отец отвернулся и, не услышав от неё «хочу — не хочу», пошел за рюкзаком, а Маруська осталась сидеть на том же пне, болтая ногами.

Время двигалось к полудню. Солнце поднялось еще выше, стало греть — продолжалось бабье лето. Листья на тоненьких берёзах и осинах трепыхались от лёгкого ветра, шуршали, задевая друг друга, и держались из последних сил, чтоб не сорваться и не улететь. Те, что уже совершили свой короткий полёт, теперь лежали на земле яркими жёлто-красными заплатками и добавляли ей ещё большей пестроты. Между ветками в лучах солнца блестели натянутые нити паутинок — они то появлялись, то исчезали куда-то. Эти ловчие паучьи сети были достаточно крепкими и невероятно липкими. Маруське было знакомо ощущение, когда, пробираясь по лесу, вдруг лицо или руки попадали в сетку паутины — брр! Словно паук охотится на тебя, и теперь ты и есть его добыча!

— О чём ты снова размышляла, на что любишь? — спросил отец, окидывая взглядом вырубку. — А ведь и правда красотища кругом! Чем не рай! Так, давай, Маруся, поглядим, что нам мать в дорогу собрала. Ну-ка подвинься!

Отец стал развязывать рюкзак, но что-то не получалось, и он заворчал:

— Я так и знал — доверяй, но проверяй, а лучше делай сам, значит, и ругать некого будет!

Видно, мама утром, положив в рюкзак припасы, завязала шнурок по-своему, а не отцовским узлом. Наконец узел поддался, и на пне появился свёрток из серой бумаги, которая местами промаслилась. Обед составили куски черного хлеба, зажаренные с яйцами, несколько рыбных котлет и оладий да большой малосольный огурец. Вкусотища невероятная, особенно на свежем воздухе! Это вам не в доме за столом, здесь уговаривать не надо, поэтому почти со всем съестным припасом они справились довольно быстро. Видя, как дочь торопливо ест всухомятку, отец достал фляжку, налил воды в маленький раздвижной стаканчик и протянул его Маруське, а сам стал пить из горлышка. Наконец сказал:

— Нет, мы всё съесть не будем — в лесу так не принято... Мало ли что, оставим кое-что на потом!

Не успела дочка и глазом моргнуть, как отец остатки свернул, вытер о мох нож и быстро завязал рюкзак. Из своей корзины он вытащил кепку, надел её, и тут-то Маруська с удивлением заметила, что ягод у него уже больше половины корзины. Нет, ну где же справедливость?! Она столько бегала-бегала, собирала-собирала, а отец, сидя почти на одном месте, собрал больше! Обидно. Отец, почувствовав досаду дочери, молчал, курил и разминал уставшие ноги.

— Нет, Маруська, так дело не пойдёт! Нам с тобой надо очень постараться и справиться со сбором ягод быстрее, а иначе я всех дел не успею сделать! Довольно носиться по вырубке да ягоды топтать — это не дело! Ноги твои молодые — присядь на корточки, а ещё лучше встань на коленки, да и собирай в своё удовольствие! Одной рукой трудно, так собирай двумя — всё лучше будет, а главное — прояви терпение!

Дав ценные указания, отец ушёл на прежнее место. Марусе ничего не оставалось, как приступить к работе серьёзно, что называется, теперь шулки в сторону. Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Худо ли бедно — это дело потихоньку стало продвигаться — ягод в корзинке увеличилось. Правда, чего греха та-

ить, в неё попадали не только одни ягоды, но и всевозможные веточки да листочки, однако на это Маруська совсем не обращала внимания.

Результат не заставил долго ждать. Ура! У неё корзина стала почти полной. Девочка тихо торжествовала! Ладонкой разровняла бруснику — до края корзинки не хватало ширины двух пальцев. Откинув из неё несколько листочков, наклонилась и стала нюхать — это был удивительно тонкий, сладкий и вкусный запах леса — его не спутаешь ни с каким другим.

— Небось, уже и варенье тебе мерещится? — слова отца застали врасплох.

— Ты, Маруся, просто молодчина, не стыдно теперь и домой прийти с такой добычей, а варенье из твоих ягод ещё слаще будет! Всё, шабаш, с ягодами на сегодня покончено! Сейчас отдохнём чуток и дальше потопаем.

В её корзину отец высыпал ягоды из своей кепки, потом вывернул туда доверху набитый карман куртки — и брусники моментально стало не просто по края, а даже с горкой. Но ничего, в дороге утрясётся. Маруська была очень рада такой помощи. Главное, что с ягодами на сегодня всё. Теперь можно по-настоящему расслабиться и переключиться на что-нибудь другое. Обе полные корзины отец поставил на ровный широкий пенёк, и эта красота стоила их трудов. Разулись, и девочка почувствовала такое облегчение, как будто с ног отвязали гири. Так просидели, наверно, с полчаса. За это время отец расчехлил ружьё и, собрав его, аккуратно положил рядом с корзинами.

Маруська понимала, вот только сейчас для него начнётся самая главная работа — это охота. Редко, когда отец возвращался с пустыми руками. Сколько девочка себя помнила, именно с охоты отец всегда приносил им с сестрой хлеб от зайчика, и этот хлеб чудесным образом становился для них лучшим лакомством.

Сегодня будет охота на рябчиков. На первый взгляд, птицы эти вовсе не приметные в лесу, но это только на первый взгляд. А на самом деле они корольки северного леса — один пересвист чего стоит. «Цвиинь-цвиинь, тинь, тинь, тинь...» — так поют рябчики.

Отец всегда мастерил много манков. Для этого он чистил, резал и сушил тоненькие косточки, в которые потом вставляются кусочки дерева, де-

лаются необходимой ширины и глубины отвёрстия в нужном месте и затем нужно пробовать на звук. И Маруську с сестрой не раз пытался научить подражать пению этих птиц. Манки у отца лёгкие и аккуратненькие, как игрушечные. Многим его знакомым охотникам они тоже по душе. Их у него выпрашивают, предлагают деньги, но отец никогда и ничего не продаёт. Просто дарит. Да и не только манки, но и мормышки, корзинки, удочки и ещё много всевозможных нужных своих поделок. Всегда дарит тем, к кому испытывает симпатию, уважение. Любимая его фраза — «надо уважить человека». Отец на дух не переносит людей завистливых, жадных и корыстных. Говорят, у самого характер ого-го какой крутой — хоть упрямый, но отходчивый. Любую работу выполняет не тяп-ляп, а основательно и со смекалкой, как он сам выражается: «Делать всё надо по уму!»

Отец не любит лишней болтовни и суетливости, и Маруська уже научилась предугадывать его намерения. Сейчас же её просто распирало, так хотелось поболтать, расспросить о том да о сём. Но понимала, что отцу не до неё; чтобы занять себя, она ела с куста бруснику, до которой можно было дотянуться, не вставая с пня. Во рту от ягод было уж очень кисло, но как в поговорке — «глаза завидушие, а руки загребушие», пальцы всё тянулись к ярким гроздьям, которых оставалось на вырубке ещё видимо-невидимо. Кончилось тем, что девочка не рассчитала расстояние, потянувшись за очередной порцией ягод, из-за чего кубарем свалилась с пня.

— Так, ну всё на этом! Хватит! Отдохнули, пора и честь знать, давай обуваться, — с этими словами отец стал вытряхивать сапоги, обуваться и приспособливаться на пояс патронташ. Надел рюкзак, через плечо повесил ружьё дулом вниз, а в руки взял обе корзины. И только сейчас Маруська заметила, что на его груди появился длинный шнурок, на котором висело несколько костяных манков.

— Маруся, ты готова? Смотри не отставай да по сторонам не глазей! Пойдём совсем другой дорогой.

Отец напоминал Марусе корабль, который всегда идёт носом вперёд, а перспектива снова идти следом, ступая на его пятки, не радовала, однако делать нечего — надо смириться.

Очень быстро они обогнули вырубку и углубились в лес. По всему было видно, что отец не раз и не два ходил этой дорогой — настолько уверенно он двигался вперёд и не останавливался. Как ни странно, но возникло ощущение едва обозначенной кем-то тропинки. Ноги ни за что не цеплялись, не спотыкались, а мягко пружинили от земли. Сколько прошло времени — неизвестно, но показалось, что шли совсем недолго. По правую руку появилась довольно высокая гряда, густо заросшая деревьями и кустарником. У самого подножия рос тёмно-зелёный папоротник. Отец выбрал небольшую площадку возле покрытого мхом старого упавшего дерева, приставил к нему корзинки с брусникой. Рядом — рюкзак.

— Никуда отсюда не уходи — заблудишься! Хочешь — сиди, хочешь — стой или полежи на мху, но главное — веди себя тихо! Тебе всё понятно? Я постараюсь управиться быстро, а ты не волнуйся и не скучай! А если проголодаешься, то открой рюкзак и поешь! — сказав это, отец словно растворился между деревьями, а Маруська осталась совсем одна, но даже испугаться не успела — настолько быстро всё произошло.

Она огляделась вокруг и села так, чтобы был наилучший обзор. За спиной осталась гряда и стена тёмно-зелёного папоротника, а впереди лес спускался уступами, образуя крохотные полянки. Ветер гулял по макушкам деревьев, поэтому шелест и шум были где-то там, наверху. Здесь же тихо и спокойно. Солнце перевалило через полнеба, но было ещё довольно высоко. Его лучи пробивались сквозь ветки деревьев и ещё могли доставать до земли. Появилось ощущение какой-то защищённости. Так же умиротворённо Маруська ощущала себя в доме зимой, когда за его деревянными стенами трещал мороз или выл ветер в трубе. «Эх, хорошо бы сейчас поесть печёной картошки!» — мечтательно подумала она и вспомнила, как зимой в печке бабушка пекла клубни, выкладывая их на прогоревшие угли, как доверяла старшей внучке кочергой шевелить, переворачивать. Потом, когда картошка становилась готовой, они с сестрёнкой, едва дождавшись, пока остынет, начинали уминать её за обе щеки, при этом пачкались, баловались и смеялись друг над другом. Маруся вспомнила, что сегодня воскресенье и мама уже наверняка напекла пирогов размером во весь противень.

Эти воскресные пироги могли быть с ягодами, с творогом или с картошкой. Марусины любимые — картофельные, с рубленным варёным яйцом и сметаной — просто объедение, праздник живота! Свои пироги мама, смеясь, называла «выпечкой на ножках». Ещё бы! Ведь дочки выбегали на улицу с кусочками, а там полно соседской ребятни, поэтому угощали всех подряд. Пироги не залёживались, шли всегда на ура! Маруська не заметила, как её руки потянулись к рюкзаку, и она на удивление быстро его развязала, тут же нашла, что искала. Даже больше, о том отец не обмолвился, — это жареные семечки! Теперь уж есть чем заняться! Девочка стала щёлкать семечки, выплёвывая шелуху. Вот счастье великое, ведь не надо думать, что намусоришь, а потом никто не заставит за собой убирать. Все эти скорлупки перелетали через Марусины вытянутые ноги, а другие летели в траву под дерево, а третьи — ещё дальше. О, если бы её сейчас кто-нибудь увидел! Неожиданно, почти над самой головой со скандальным стрёкотом вспорхнула чёрно-белая сорока. И это, оказалось, было неслучайно! По правую сторону, где неподалёку росла большая сосна, раздался звук, будто на забор лезет кошка, цепляясь всеми своими когтями. Маруська чуть не поперхнулась, увидев очень близко красивую белку. Добравшись до первого сучка, та села, распушила хвост и стала крутить головой. Белок девочке и раньше доводилось видеть в лесу, но чтобы так близко — это впервые. Забыв про своё занятие и стараясь не шевелиться, стала рассматривать неожиданную гостью. Казалось, можно разглядеть каждый волосок на её рыже-коричневой шубке, а в блестящих чёрненьких глазках читалось явное любопытство, мол, «кого это сюда занесло?». Маруське вдруг так захотелось её погладить, взять на руки, что невольно потянулась к ней, но увь!.. Белка шустро, как чертенок из табакерки, в один прыжок исчезла из виду, скрывшись в густой кроне дерева. Было жаль, конечно, но, видно, у белки полно своих дел.

Солнце опустилось чуть ниже, и тени над землёй удлиннились, причудливо переплетаясь, поползли в разные стороны. Лес убаюкивал — захотелось полежать, но поваленное старое дерево — это тебе не ровно спиленный пень. Лежать на сучках, пусть даже и покры-

тых мхом, удовольствие не очень приятное. Маруська встала и перебралась к огромным вывороченным корням дерева. Устроилась удобно, почти как в кресле, здесь нашлось место голове, рукам и ногам. На неё напала дремота. Глаза сами закрылись, и девочка почти уснула. Чувство реальности стало её покидать. И тут будто кто-то в бок толкнул!

Открыв глаза, Маруся увидела в нескольких шагах перед собой большую тёмно-серую собаку. Сон моментально сошел. Собака стояла в стороне, противоположной той, откуда они пришли с отцом. У неё были очень внимательные глаза, которые изучали Маруську и почти не мигали, как ей показалось. Голова большая, с широким лбом и стоящими ушами. Морда собаки вытянута и заканчивалась черным приносящимся носом. Как же обрадовалась Маруська встрече с животинкой!.. Ну вот снова не одна! Как только ей захотелось сесть, заметила: ноги собаки напряглись и она готова была убежать. Девочка передумала вставать, не шевелясь, стала подбирать клички: «Шарик! Тузик! Бобик! Тарзан! Иди ко мне!» — звала, тихонько хлопая себя по коленке. Но куда там!.. Тут её осенило: собака наверняка голодная. Стала копаться в кармане куртки. Пальцы нащупали оставшиеся несколько леденцов, которые успели слипнуться в комочек. Маруська положила его на ладонь, вытянула руку, но опять же никакой реакции — что за фокус? Любая дворовая собака за счастье бы посчитала получить такое угощение, да ещё бы ладонь облизала, а эта бродяжка ещё кочевряжится, даже хвостом не вильнёт в знак благодарности! Вот так цаца! Все воспитательно-дрессировочные ухищрения были исчерпаны — терпение лопнуло, и Маруська решила, что если та к ней не подходит, то она сама приблизится. Не спуская глаз с собаки, встала, и тут произошло то, чему она крайне удивилась, потому что ничего подобного не видела никогда! Мгновение — и эта огромная собака, пружиня всеми лапами, с места подпрыгнула высоко, развернулась в воздухе и исчезла в кустах папоротника. Машинально Маруська побежала за ней, стала звать, но куда там — и след простыл! Озадаченная таким поворотом событий, она вернулась на прежнее место. Села и стала ждать отца в одиночестве. Про собаку решила, что та,

наверное, отстала от своего хозяина и отправилась на его поиски.

Солнце явно повернуло к закату — оно освещало теперь не макушки деревьев, а светило сбоку и его лучи буквально прошивали лес. Прозвучали несколько приглушенных выстрелов, но, судя по звуку, где-то очень далеко. Маруськино терпение почти иссякло. Сколько можно ждать? Скорей бы уж домой! Хорошо, что завтра в школу во вторую смену, хоть можно выспаться.

Отец появился внезапно, как и ушёл. Судя по настроению, его охота была удачной. В холщовом мешке, что был привязан к поясу, лежала подстреленная дичь. У самого дна виднелись несколько пятен крови.

— Устала, Маруська, ждать? Да, хуже нет — ждать и догонять!

С этими словами отец стал перекладывать добычу в рюкзак; найдя фляжку, принялся жадно пить. Маруську распирало от желания выговориться, но она выжидала подходящий момент, когда отец закончит пить и, что называется, переведёт дух.

— Ну, вижу, не терпится тебе поговорить! Я вот сегодня, например, свой план перевыполнил! Рассчитывал хотя бы двух-трёх пёстреньких подстрелить, да, видно, ты мне удачу принесла, потому что целых семь штук получилось тремя выстрелами снять с двух деревьев. Вот как бывает! Больно кучно подсели — сумел их подманить, правда, побегать да посвистеть пришлось вволю. Сама ты чем тут занималась?

— Пап, ты знаешь, с кем я здесь встретилась? Представляешь, сижу грызу семечки, и вдруг белка прибежала, а потом откуда ни возьмись выбегает большая собака и так на меня стала смотреть. Я хотела с ней подружиться. Может, она ничейная. Звала-звала, хотела конфетами угостить, а она взяла и убежала от меня обратно в лес!

Отец выслушал рассказ дочери молча, изредка кивая головой. Потом стал задавать вопросы, выпросив все, подытожил:

— Да, Марусенька, и тебе тоже сегодня повезло, потому что это вовсе не собака была, а волк. Правда, молодой ещё и любопытный, как ты, но главное, что сытый в это время года! Он тебя изучал, но тебя же и испугался. Волк, наверное, подумал: «Что это за Красная Шапочка тут объявилась, не запылилась?!»

Слова смеющегося отца привели Маруську в ступор. Глаза её округлились, увлажнились. Увидав, как она сильно испугалась, он понял, что сказал лишнего, и стал успокаивать, но та решительно ничего не хотела слушать, и все переполняющие её эмоции вылились в горькие слёзы.

— Я больше никогда-никогда не останусь одна-а! Вообще больше в лес не пойду-у! — Она громко плакала и жалела себя. Пока Манюня рыдала, отец собрал все вещи: зачехлил разобранное ружьё, а дочку корзину завязал тряпичной и положил в рюкзак. Затем присел, наблюдая, как она потихоньку приходит в себя.

— Ладно, Марусенька, с кем не бывает! Ты меня прости, что не взял с собой, пожалел. Я подумал, что убегаешься, устанешь, а ведь нам еще до дому добираться. Ты понимаешь, дочка, если бы я сразу сказал, что мы по звериной тропе шагаем, то и осталась одна ты бы наотрез отказалась, ведь так?

Она кивнула, соглашаясь.

— А вообще, ты, Маруся, молодец! Я-то думал, что ты от страха тут верещать, как заяц, будешь да звать меня, а ты, гляжу, ничего, справилась!

Голос отца был тихим. Проревевшись, девочка начала воспринимать то, что он говорил. Самая главная мысль заключалась в том, что в лесу не надо бояться зверья, поскольку оно в большей части само человека боится, а надо опасаться «зверья» на двух ногах, то есть самого человека!

— Понимаешь, Марусенька, лес — он живой — всё видит и слышит, он чувствует, кто и с какими мыслями к нему пришёл. Если человек добрый, то и лес не враг, а коли к нему со злом, то может так закрутить-завертеть, что и не выберешься вовек! Некоторые люди думают, что раз они до леса добрались, то они хозяева здесь. Но не тут-то было — это лес считает всех попавших сюда гостями, чаще — незваными! Людям жадным и злым в лесу не место! Вот сейчас лесу скажем «спасибо» и уберёмся восвояси!

Кивком головы он показал направление, где нужно спускаться по склону вниз. Нагрузившись всем, что они сегодня забрали у леса, отец теперь шёл вслед за дочкой. Каждые десять-пятнадцать метров Маруся оглядывалась, чтобы убедиться, не отстаёт ли отец и в правильном ли направлении она сама идёт.

Невероятно, но к большой дороге они вышли намного быстрее, чем оттуда шли к брусничнику утром! Обратная дорога — дорога домой — всегда оказывается короче!

— Маруся, стой, давай отдохнём пять минут, да и корзину надо завязать, а то запылится наша ягодка!

Отец аккуратно поставил большую корзину на траву, потом освободился от лямок рюкзака и ружья. С головы снял кепку, вытер лоб рукавом и присел на корточки.

— Ну что, Красная Шапочка, опростоволосился я сегодня — взял лишь одну тряпицу на завязки, поэтому выручай — давай твоим платком завяжем корзину. Хорошо, что на твоей голове платок, а не шапочка!

Маруськиного ярко-красного штапельного платка только-только хватило, чтобы обвязать вокруг ручки корзину. Всю обратную дорогу до самого дома девочка вприпрыжку бежала или шла впереди отца. Радость переполняла её, бурлила и выплёскивалась наружу!

Вот уже перед домом мостик и калитка. Открывая щеколду, отец поставил на землю корзину и, повернувшись к Маруське, спросил:

— Хочешь знать, какая будет погода завтра? — махнул рукой в сторону заходящего солнца и весело сказал: — Солнце красно поутру — моряку не по нутру, а коли красно с вечера, то и бояться нечего! Вот так, запомнила?

Маруся кивнула в ответ, а потом оглянулась, посмотрела на красивый нежно-розовый закат и поняла, что завтрашний день будет ничуть не хуже сегодняшнего, солнечного...

СТАРИК

рассказ

«Дорога без конца! Дорога без начала и конца...»

Поезд остановился на очередной станции, и пассажиры потянулись из вагона. Из тамбура дохнуло свежим воздухом. Мария накинула на плечи кофточку, взяла сумку и тоже встала в очередь на выход. «Интересно, сколько здесь постоим?» — думала она, продвигаясь по вагону. Нужную информацию сообщил сам проводник: «Стоянка поезда полчаса, не опаздывать — закрою двери!» — каждую группу выходящих он сопровождал этими словами.

На перроне Мария огляделась в поисках неприметного здания вокзала, заметив, что многие пассажиры направились налево, пошла следом искать киоск, чтобы купить минеральной воды. Откуда-то сбоку подбежал мальчишка-подросток и стал настойчиво предлагать купить у него варёных раков. «Спасибо, не надо!» — этих слов хватило, чтобы он в ту же секунду потерял к ней всякий интерес и переключился на другого потенциального покупателя.

Киоск, к которому выстроилась приличная очередь, был уже совсем рядом. Внезапно кто-то ухватил Марию за рукав. Обернувшись, она увидела перед собой дородную улыбающуюся тётку с большим лотком на животе. Весь ягодный товар был расфасован по пластмассовым стаканчикам.

— Женщина, купите витамины! Предлагаю любые ягоды на выбор: хотите клубничку или морошку?.. А может, хотите черничку! Черничка даже лучше! Эта ягодка оч-чень хороша для зрения! — она явно намекала на очки Марии. — Спасибо, не надо! — с уже заученной фразой та попятилась было, но цепкие руки тетки не отпустили рукав.

Секундное замешательство. Мария резко отпрянула, высвободилась и торопливо пошла к киоску. Позади неё раздался весёлый тёткин смех.

«Да тут весело! Просто цирк какой-то, не соскучишься!» — сконфуженно подумала Мария, занимая очередь. По огромному количеству народа, который буквально заполонил перрон, складывалось впечатление, что из ваго-

нов не вышли только ленивые и спящие. Кто-то прогуливался с ребенком или с собакой, а кто-то, как и она, торопились что-нибудь купить в дорогу. Оказалось, что желающих сделать покупки было больше.

Местный народ торговал всем, чем мог. Торговал бойко и, по всей видимости, достаточно успешно. Вдоль вагонов резво сновали люди — напористые бывалые и робкие новички. Последние, словно пугаясь всей этой суеты, вели себя скромно, нерешительно. Товаром здесь было всё, что, по мнению самих торгующих, угодно пассажирской душе. Мороженое, напитки, вяленая и копченая рыба, вареные картошка и раки, солёные огурчики, жареные семечки, выпечка, леденцы, а также рукодельные сувениры и, конечно же, всевозможные дары природы — товар скоропортящийся: ягоды и грибы. Они и вызывали всеобщий интерес! Ради них у продавцов были приготовлены различные упаковки: кулёчки, пакетики, контейнеры и ведёрочки, ведь главная задача любой торговли — предложить товар и продать его быстро, без остатка и потерь. Даже в этой получасовой встрече продавцов и покупателей действовали все те же законы большого рынка, где выживает лишь сильный и быстрый, смелый и ловкий.

Чего здесь не было — так это безучастных лиц. То там, то здесь раздавалось: «спасибо!», «счастливого вам доехать!», «приезжайте ещё!», «да на здоровье!», и казалось, что здесь провожают самых близких, родных людей. Однако это были радостные голоса довольных успешно проведенной сделкой продавцов.

С бутылкой минеральной воды пробираясь в обратную сторону сквозь весь этот «гастроном», Мария поймала себя на мысли: «Что же заставило жителей этого городка бросить все свои дела и прийти сюда, на привокзальную площадь, торговать? Наверняка среди них есть люди разных профессий. Разве нет для них более достойного заработка, чтобы кормить свои семьи? Или этот заработок настолько мизерный, что на него не прожить? Не от хорошей жизни вся эта коммерция! А может, это единственный способ заработать? Вот и торгует народ, получая по случаю дополнительные рубли и копейки!» На душе от этих мыслей стало тягостно.

Шагая дальше, Мария вспомнила, что такое

происходит сплошь и рядом, и не только на вокзалах и полустанках, в провинциальных землях, но и вдоль автомобильных дорог, по которым разбегаются из города в город, из деревни в деревню автобусы и микроавтобусы с разношерстным товаром, да ещё ездят туда-сюда автолавки. Где много — оттуда убывает, где пусто — туда прибывает! Сплошная физика — страна сообщающихся сосудов! Бог торговли ликует: «Купи — продай!»

Марии вспомнились сцены из советских фильмов, в которых показывали военные и послевоенные базары, барахолки. Но тогда всё это оправдывалось тяжестью жизни людей, разрухой — войной! Появилось острое ощущение, будто она путешествует во времени. Сюрреалистическая картина вывела Марию из равновесия, настроение окончательно упало. Вывод напрашивался сам собой: довели народ! Захотелось поскорее выбраться из этой людской круговерти.

Уже добравшись до подножки своего вагона, Мария обернулась, обвела взглядом толпу. Вдур замешкалась, заметив чуть поодаль неподвижно стоящего старика. Он находился в трёх-четырёх шагах от края бетонного перрона за поставленным на попа деревянным ящиком — «прилавком». Его замершая фигура с прижатыми по швам руками выделялась на фоне мельтешащих людей и пышного куста акации. Непонятно, какая такая сила подтолкнула Марию сделать несколько шагов в его сторону и остановиться напротив. Теперь она могла его хорошо разглядеть. На старике была выдавшая виды камуфляжная куртка и такие же застиранные брюки с аккуратными заплатками на коленях, на седой голове — потёртая дерматиновая кепка с мятым козырьком. И тут внезапно Мария поняла, что же привлекло её. Его головной убор! Точно такую же кепку когда-то давным-давно носил её отец! Старик выглядел совершенно безучастным, отстранённым от всей перронной суеты, погруженным в свои неведомые мысли.

— Сколько стоят ягоды? — заметив ведёрко, спросила Мария тихо, чтоб ненароком не испугать его. Зачем спросила — этого она и сама ещё не знала. Скорее всего, просто ради общения и любопытства.

От её голоса старик встрепенулся, словно проснулся, приосанился, поправил кепку своей большой, натруженной рукой.

— А сколько, дочка, за них дашь — всё моё будет! — он хитро прищурился, и по его ожившему лицу пробежали глубокие морщины. Видимо, вспомнив, зачем он здесь, старик принялся нахваливать свой товар: — Знаешь ли хоть, что это за ягода такая? Это первоклассная ягодка — вкусная и для здоровья полезная! Это тебе не клубника какая-нибудь — это морошка! — он многозначительно поднял палец над головой и, чтобы окончательно добить аргументами, добавил: — Сам Пушкин её уважал!

Мария улыбнулась, но промолчала. Да ей ли не знать, что это за ягода такая и что это за история с Пушкиным! По всему было видно, что продавец — человек незаурядный, интересный, много повидавший, но и этот старик тоже оказался здесь среди торговой суеты. Почему? Он продавал одно пятилитровое ведёрко, доверху заполненное ярко-жёлтой глянцевою ягодой.

— Дочка, ты не сомневайся, ягода хорошая, сам собирал, сам перебирал! Дом у нас со старухой возле леса, да и болото рядом — вот и собрал, — глаза его погрузнели, потухли. Словно услышав её мысли или предугадывая вопрос, старик продолжил свой рассказ: — Раньше я всякую ягодку в дом нёс, людей просто так угощал, а сегодня вот стою тут и, вроде как базарная баба, торгую! Ты спросишь зачем? Старуха, понимаешь, моя не на шутку захворала — деньги нужны на лекарства. Эх, о чем говорить! — старик резко отчаянно махнул правой рукой.

Мария почувствовала, как к горлу подступил комок, как застряли все слова, потому что она только сейчас заметила, что у него не было половины левой руки, а вместо неё из рукава куртки выглядывал протез. Театр абсурда продолжался.

Объявили посадку. Народ хлынул по вагонам. Марии вдруг так захотелось ещё поговорить с этим человеком, но времени почти не оставалось. Она быстро достала кошелек, вытащила оттуда самую крупную купюру и аккуратно вложила её в ладонь старика.

— Всё, что могу! Разрешите с ведёрком? Поправляйтесь! Спасибо большое! — и, не дожидаясь ответа, взяла ягоды, отступила немного назад, в последний раз задержав взгляд на старике.

Он, как прежде, стоял неподвижно, прижав к груди руку с зажатыми в кулак деньгами, его губы дрожали, а светло-голубые глаза наполнились слезами.

Мария зашла в вагон, поставила ведро на столик, бросила сумочку на полку, и тут ей захотелось ещё раз взглянуть на старика. Она потянулась к окну, поезд тронулся и медленно стал двигаться вдоль перрона, но снаружи по стёклам уже бежали струйки дождя. «Вот тебе и Божьи слёзы», — так говорила бабушка про дождик, когда Мария была вовсе не Марией и даже не Машей, а просто Маруськой — маленькой и глупой девчонкой. Всё это осталось в прошлой жизни... И этот старик теперь тоже.

□

Лидия Геннадьевна ШАМШЕВА

родилась в г. Кондопога Карельской АССР.

Живет в пгт. Пяозерский Лоухского района.

Работает учителем.

Пишет стихи, прозу.

В журнале «Север» публикуется впервые.

